

Борейша Болеслав Константинович

## ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РОДИТЕЛЯХ

Моя мама Стефания Павловна Борейша (Стржалковская) родилась в 1889 году в Польше, предположительно в местечке Малые Клепачики, Волковысского уезда Гродненской области. Как теперь установлено, здесь родился и ее старший брат Леонард. Отец мамы Павел Клементьевич Стржалковский в разное время работал механиком на фабрике, управляющим делами у помещика, а позже обзавелся своим поместьем. О бабушке сведений сохранилось мало. Известно ее имя - Юзефа и девичья фамилия Верштак.

В семье деда Павла и бабы Юзефы было 4 сына: Петр, Анатолий (Толик), Леонард, Антоний и 5 дочерей: Мария, Ядвига, Гелена, Бригида, Стефания. Мама была предпоследним ребенком в семье. Младшим в семье был Антоний. Очень мало сохранилось сведений о жизни семьи Стржалковских и моей мамы, ее сестер и братьев. На имеющихся фотографиях запечатлены прилично одетые и интеллигентные люди. Из воспоминаний мамы - все дети учились и получили какое-то образование. С началом первой империалистической войны дед Павел, баба Юзефа и моя мама оказались в числе беженцев в Белоруссии в Гомельской области, где жила мамина сестра Бригида, которая была замужем за Францем Петровичем Пукинским. Пукинские же были близкими родственниками семьи Борейша, проживающей в том же районе, что посодействовало близкому знакомству моей мамы с одним из сынов Борейша - Константином, которое привело к браку и появлению новой семьи. Интересно, что отец Франца Пукинского и отец Константина Борейша были женаты на родных сестрах. Франца и Константина судьба свела тоже с родными сестрами, Бригидой и Стефанией. Вот как переплелось наше родство.

Жизнь новой семьи пришлось пережить на самый разгар революционных потрясений 1917-18 годов. Хутор деда Игната Борейша был разорен, земля изъята и маме с отцом пришлось жить в чужих квартирах в д. Шутно, где я и родился. К началу революции дед Павел и баба Юзефа уехали в Польшу. Так с потрясений в России началась трудная жизнь нашей семьи. Когда немного все утряслось, отец, мама, а с ними бабушка (мать отца) вернулись в хутор деда Игната. Деда к тому времени уже не было. Не перенес он потерю хозяйства, которое стоило ему всей жизни. Отец взял в аренду 10 га земли и быстро поднял свое хозяйство. К 1929 году, к году нашей трагедии, отец построил новый дом, сарай, посадил сад, завел пару лошадей, пару коров и прочую живность. Работая день и ночь, отец и мама создали основу хозяйства, гарантирующую нормальную крестьянскую жизнь. Даже для меня в хозяйстве находилась работа - пасти лошадей, боронить поле, езда верхом на лошади и другие посильные работы. В эти годы мама везде успевала и в хозяйстве, и в поле. Я не помню, чтобы у нее с отцом были размолвки. Жили они всю жизнь, даже уже в преклонном возрасте, в любви и согласии.

По праздникам ездили в костёл, в гости к Пукинским, приезжали гости и к нам. Все было хорошо и счастливо. Но наступили 1928-29 годы, годы тревог, волнений и страданий. Непосильные налоги рушили хозяйство. А осенью 1929 года отца арестовали и отправили в лагерь на Соловки, потом в лагерь Кольского полуострова.

После ареста отца мама проявила завидную прыть и успела продать, может и подешевле, лошадь, корову, кое-что из хозяйства. Самое ценное и необходимое для жизни, особенно продукты, отвезла в г. Чечерек к знакомым. Возможно, ее находчивость и быстрое решение помогли нам пережить самое трудное время в ссылке. Как мне сейчас кажется, что посодействовал нам что-то продать, что-то увезти, спрятать ни кто иной, как председатель сельсовета. Во всяком случае, он у нас был до раскулачивания. И в то

время были добрые люди, пожалевшие нас несчастных. И когда к нам заявила сельская комиссия с раскулачиванием, мы уже кое-что имели в запасе. Все, что осталось - отобрали, а нас выселили из дома.

До февраля 1930 года мы жили в г. Чечерске на квартире знакомых. А потом вся наша жизнь превратилась в кошмарный сон, в сплошную трагедию. Сперва нас, как скот, увезли в товарных вагонах в концлагерь "Луза" в Кировской области. Потом, спустя 4-5 месяцев опять в товарных вагонах и в баржах в Коми республику, в таежные необжитые места, где строился спецпоселенческий поселок "Емельстан". Сколько пережито трудностей, ужаса, сколько видели бессмысленных смертей и, самое страшное, что не знали за что. Помню, когда нас выгрузили из вагонов на станции

Луза, у нас потерялся сундук, где были запасы продуктов - сало, мука. Это была трагедия, и какую оперативность проявила мама. Она добилась разрешения поездки в г. Котлас, куда ушел эшелон, в котором нас везли. И надо же, нашла она этот злополучный сундук и привезла в Лузу. Как она его таскала, как перевозила - ума не приложу, но эта находка спасла нас от голода и смерти в том проклятом лагере "Луза", где многие тысячи остались навечно.

Не знаю, кто оказал нам содействие, думаю, что и здесь проявила находчивость наша мама, но нам разрешили заменить место ссылки из Коми в Сибирь. Возможно, помог и наш поселковый комендант - добрый хромой старичок, который старался, как мог, помочь всем выжить. Доставал для ребятни крючки для удочек, рассказывал, как рыбачить, как ориентироваться в лесу, чтобы не заблудиться. Все может быть. На нашем пути и тогда встречались добрые люди.

И вот в августе 1931 года начался наш переезд из одного ада в другой. Как нас не притесняли, как не мучили и как не запрещали, но мама умудрялась возить с собой довольно большой багаж. К тому времени продуктов уже не было. Но мама возила с собой одежду, обувь для семьи. В Сибирь привезли даже костюм, меховые пальто отца на лисьем меху. Привезли даже бронзовую ступку. Этот багаж постоянно таял. Много менялось на продукты. Крупная последняя вещь - пальто отца было продано уже в Чалково.

Конечно, этот багаж спасал нас от голода, но и сколько он отнял нашего здоровья. Хорошо помню, как мы перетаскивали его в г. Котлас, когда ехали в Сибирь, от пристани до ж.д. вокзала. Маленькая Бригада оставалась на пристани на багаже, Леонард на вокзале, а мы с мамой, что на себе, что волоком, как мураши, перетаскивали свое богатство. В Котласе свой тяжелый сундук мы отправили до Томска багажом, за которым мама со Станиславом Пукинским уже зимой ездила в Томск. Ярко помнится случай, когда мы перетаскивали багаж на вокзал в Котласе. От усталости мы валились с ног. Прикорнув в углу вокзала на вещах, мы уснули и проспали до утра. Утром мама не обнаружила на шее мешочек с документами и деньгами. О, ужас, что здесь было - плачь, мольба к божьей милости. Не помню, сколько уж мы все плакали, взывали о помощи к Богу, но, в конце - концов, кто-то из детей обратил внимание мамы на шнурок на шее. Оказалось, сумочка с груди перевернулась на спину. Все это могло случиться, когда таскали багаж или когда безмятежно спали.

Сколько же забот и трудностей пришлось вынести нашей маме, чтобы сберечь нас от болезней, от голода и других напастей. Помню, как в Емельстане я простыл и сильно заболел. До этого, когда мы зимовали в д. Лапыдино, я переболел, и уже второй раз за короткую жизнь, воспалением легких. В нашем поселке не было даже фельдшера. И вот мама решила возить меня к фельдшеру в д. Мордвино, а это более 60-ти км. пути. До Мордвино мы доехали на попутной лодке. Посмотрел, послушал меня фельдшер, предложил таблетки и посоветовал мне полежать в постели несколько дней. А какая постель: чужая деревня, где и по-русски многие совсем не говорят, а у нас ни денег, ни

продуктов. Говорю маме: "Давай пойдем домой пешком, так как лодка будет только через неделю, а здесь жить негде, есть нечего". И вот мы, расспросив местных жителей, переправились через реку и подались по таежной тропе в свой поселок. Первый день шли нормально, собирали и ели чернику, ночевали у костра. Утром я почувствовал себя хуже. Из продуктов ничего не оставалось, но идти все же надо. Я без конца то садился, то ложился и, в конце - концов, совсем свалился. Меня тошнило, кружилась голова, трудно было дышать. Я и особенно мама были в панике - одни без пищи, в глухой тайге. За сутки нашего пути нас никто не обогнал и никто не встретился. По нашим расчетам недалеко должен был быть поселок "Коммуна", где жило с десяток семей, живущих по принципу коммуны. Но как туда дойти, когда меня ноги не держат от хвори и еще больше от страха и безысходности. Мама надеялась только на чудо, молилась и взывала к Богу о помощи, и чудо свершилось. Нас догнала женщина с парнем, которые шли в наш поселок. Женщина дала мне кусочек хлеба, напоила водой из бутылки, и я поднялся. Сперва неуверенно, а потом почти и нормально пошел. Через час-полтора мы дошли до "Коммуны". Там накормили нас ухой, рыбой, и к вечеру мы были уже в своем поселке.

Когда мы жили уже в Леботере, был момент, когда нам совсем не на что было жить - ни хлеба, ни картошки и вообще ничего не было. Пукинские переехали в Чалково, а с нами остались Станислав и Ванда, которые учились в школе. Мама решила лишиться последних у нее ценностей - пары золотых колец, сережек и золотых часов отца. Все это она сдала в "Торгсин" (была такая организация - торговля с иностранцами). За это золото она привезла мешок муки, немного крупы, сахару. Ездила она в Колпашево со Станиславом Пукинским. Память о нем у меня сохранилась на всю жизнь. Это не просто двоюродный брат, а лучший друг, старший товарищ, помощник во всем.

Прошли годы, сгладилась боль утраты, а память о маме и отце не дает мне покоя. Вспоминаются случаи, когда мы, дети, мало помогали родителям. Слишком были увлечены работой, заботой о своих делах, своих семьях.

Читая теперь старые письма мамы, (которые подарила нам Наталья Николаевна) Станиславу в армию и в Томск, когда он учился в институте - многое прояснилось. В одном письме мама пишет, что "ездила в Чалково на любимое ее место, все обходила, надышалась Чалковым, пила воду из своей речушки, подолгу сидела на муравке". Вот ведь как. А для нас Чалково было диким местом. Да и им там жилось не сладко. Каждую весну поселок затапливался водой, а они тогда жили на чердаке: летом комар, мошка, без электросвета, без радио, без пенсии и даже без мизерной зарплаты. И как теперь я понимаю, мама ценила не само Чалково, а личную свободу. Как память о том, что в этом аду у нее с нашим отцом вновь появилось счастье. У них там родился Стась, вырос на их глазах и стал их помощником. Здесь они похоронили единственную дочь Бригиду. Эта смерть была для них тяжелой трагедией. Бригида ушла из жизни в 1952 году от редкой тогда болезни - белокровия. Болезнь ее протекала тяжело. Кроме болезни она страдала и оттого, что умерла ее маленькая дочь, и в самый критический момент ушел от нее муж. Живя в глуши, не могла нормально лечиться. Когда мы уже жили в Тогуре, Катюша возила ее в онкологическую больницу в Томск, где она пыталась, но безуспешно, вылечиться. Через месяц ее выписали. Больше поехать в Томск она уже не могла. После смерти Бригиды мы решили забрать родителей и Станислава к себе в Рыбинск. В письмах мама жалела и домик в Белом Яре. Нам казалось, что, живя в нашей с Катюшей семье, родителям было хорошо, к тому же жили мы дружно, однако все это только нам казалось. Живя в нашей семье, они были стеснены, не имели времени для спокойного отдыха. Купи мы им тогда в Рыбинске домик с усадьбой - может быть, и жизнь их была бы продлена. Кто знает, все может быть...

Мама часто вспоминала своих сестер, братьев. Не знала судьбы своих родителей. Как потом выяснилось, отец даже вел переписку, в результате которой они получили

письмо от племянницы Чеси из Польши, но с переездом к нам в Рыбинск они потеряли письмо Чеси и ее адрес. Только спустя 30 лет, как родителей не стало, мне удалось разыскать в Варшаве двоюродного брата Леонарда, сына мамино брата Леонарда. Мало, что он мог нам сообщить, но все же мы узнали, что младший брат мамы, Антоний, дожил до 1990 года. По неподтвержденным сведениям у Антония осталась дочь, Мария Лылюк, которая живет в г. Янов Подляском. Брат мамы, Леонард, учился в Киеве, в 1916 году женился и с женой уехал в Польшу, где работал аптекарем. От первого брака у него было четверо детей: Беата, Витольд, Ромуальд и Галина. Никого из них уже нет в живых. Беата ушла из жизни недавно, и у нее осталась семья - муж Славинский, два сына, Рычард и Кшиштоф. Первая жена Леонарда умерла в 1934 году. От второго брака родились два сына: Леонард и Рычард. Вот с этим Леонардом у меня и завязалась переписка. Леонард живет в Варшаве, работает инженером в институте ядерной физики. Женат, жена Антонина, у них двое детей - Агата и Якуб.

Рычард с семьей живет в г. Кракове, работает инженером на металлургическом заводе. Сестра мамы, Мария, умерла в годы войны 1941-45г.г. После того, как ее сына на ее глазах немцы расстреляли. Петр умер рано. По не уточненным сведениям у него оставались два сына - Витольд и Тадеуш. Тадеуша уже нет, а Витольд, возможно, живет в г. Котовицах.

О судьбе родителей и сестер Гелены и Ядвиги никаких сведений получить не удалось. Сестра Бригида Пукинская ушла из жизни в 1943 году в Новосибирске. Вот такая печальная история семьи Стржалковских и моей бедной мамы.

Моя мама всю жизнь была в трудах, в работе, в заботе. У нее никогда не было свободного времени. Очень любила принимать гостей и потчевать, чем Бог послал. Живя в Чалково, а потом у нас в Рыбинске, держала свиней и очень умело готовила колбасы, окорока. Пусть эти деликатесы и были только к праздничному столу, но мама любила угостить. Когда была возможность, делала бражку. Я помню мамино застолье, подвыпившие старушки, подхмелевший отец и их песни. Помню их ироническое и грустное приглашение к выпивке:

"Выпей кумка, выпей тут,  
На том свете не дадут".

Да, время неумолимо, сейчас уже и наших-то с Катей ровесников остается все меньше, а из ровесников родителей едва ли кто-то остался. В конце сентября 1991 года мы с Катюшей ездили в Чалково на могилку Бригиды. К нашему удивлению на том месте, где был большой поселок, не осталось никакого следа. Мы еле нашли кладбище, а место, где когда-то стоял барак, в котором жили родители, мы так и не нашли. Все изменилось, все заросло кустарником, лесом и непроходимым бурьяном. Даже река Обь ушла в сторону от бывшего Чалково. Мама была католичка и верила в Бога и, живя среди православных, всегда отмечала праздники дважды - и католические, и православные. Когда была возможность, она посещала церковь. Посещать костелы она не имела возможности. В своих молитвах мама постоянно обращалась к "Матке бозке Честоховской", а когда видела молодой месяц, то обязательно говорила - "млоды ксенжицу тебе корона, а мне сченстье и здраве" (молодой месяц - тебе корона, а мне счастье и здоровье).

Очень трогательно было наблюдать, как родители относились к своим внукам, а нашим детям. Они буквально тряслись над ними. Особенно, они любили нашего младшего сына Володю. Очень благосклонно мама приняла и мою Катюшу. Она полюбила ее, как свою дочь.

Сведения о родословной отца у меня более чем скромные. Знаю, что дедушка Игнат долгие годы, кочуя по Белоруссии и Прибалтике, арендовал большие участки земли и выращивал зерно, картофель, за счет чего имел прибыль. В начале 20-ого века купил

довольно большой участок земли, держал много лошадей. К сожалению, я не знаю отчества деда Игната и к моему стыду не знаю даже имени бабушки по отцу, хотя ее немного и помню.

У деда Игната и бабы было четыре сына: Игнат, Эдуард, Константин и Болеслав. Была и одна дочь Анна. У всех у них были разные судьбы.

Первой жертвой от произвола большевиков в нашей семье был мой дед Игнат. В дни революции его хутор, всё хозяйство было полностью разорено и растащено. Об отце у меня сохранились воспоминания, когда он был молод и постоянно в работе. Для нас, детей, у него мало оставалось времени. Но когда была возможность, он не пропускал случая, сделать нам приятное - то привезет гостинцы, то возьмет с собой при поездке на рынок. Когда отца арестовали, то у нас с братом Леонардом наступил период безотцовщины. К моменту его возвращения из лагерей в семью в 1935 году, мы уже начинали свою самостоятельную жизнь. Более близкие с ним общения у меня были в 1946-47 годах и с 1952 года, когда родители жили в нашей семье. Отец смолodu был неразговорчив, вечно занят работой. Наверно, в единоличном хозяйстве это было неизбежно. Десять десятин земли, пара лошадей, пара коров, молодь скота, овечки, куры, индюки. О, Господи, да сколько всего было неотложного, и все ждало приложения его работающих рук. А потом вдруг нежданно-негаданно его арестовали, обвинили в том, в чем не был виновен. Соловки, каторжный труд на Кольском полуострове и все это под дулом винтовки, за колючей проволокой. Цинга, болезни и отсутствие врачебной помощи. Потом, через пять лет встреча с семьей, и все это под надзором ОГПУ. Подорванное здоровье, без единого зуба во рту. Ни у него, ни у семьи нет, ни жилища, ни средств к существованию. Он с трудом устроился конюхом в Чалковском лесопункте. Мизерная зарплата, место в бараке - это уже зацепка за жизнь. С трудом он отработал 17 лет. Преклонный возраст, а трудовой стаж не дает ему возможности получить даже мизерную пенсию. Можно представить, как чувствовал он себя - вечный труженик, ограбленный и обобранный государством, которое не оставило ему никаких гарантий для выживания. Но он молчал, не жаловался. Копал землю, сажал картофель, овощи, держал корову, кур, поросенка - тем и жили. Помогал понемногу уже и Стась. Он рано повзрослел и совсем еще пацаном освоил облас и по вёснам сплавлял к бараку пльвущие по Оби бревна для дров и для хозяйственных нужд, ловил рыбу, помогал косить сено.

Я никогда не видел отца сердитым, он не матерился. Самыми ругательными словами у него были "пся крeв" (собачья кровь), а если с чем-то был не согласен, то произносил: "Э-т" и уходил.

При жизни родителей еще не было телевидения, да и радио было в диковинку. Отец не любил ходить в кино, но читал очень много, все подряд, что попадало под руку. В Рыбинске он был самым активным читателем в поселковой библиотеке. Мог умеренно выпить по случаю. Много курил и очень крепкий самосад. Однако, когда почувствовал себя плохо, бросил курить и больше к этому пристрастию не возвращался.

Вот такой был наш отец. По обличию я, наверное, немного похож на отца. Сильно похож был Стась - такой же неторопливый и делал все обстоятельно. По обличию на деда похож наш сын Володя.

В отличие от отца, мама, была более общительна, у нее всегда были подружки, не задумываясь, принимала решения, а если и нужно было, могла и обратиться к начальству с просьбой, но никогда не унижалась и поступала по принципу, присущему ей - "хоть пенендзы не мам, зато гонар мам" (хотя денег нет, но гордость имею). Мама очень любила смотреть кино. В нашей семье на маму похож Леонард. Еще одна деталь в отношениях моих родителей: мама всегда отца называла "старык", а отец маму "бабка", и все это на фоне удивительной любви и взаимного уважения.

Ничто не вечно в этом жестоком мире. Ушли из жизни и наши родители. Маму парализовало, и она лежала в районной больнице, а отец жил там, в больнице, около мамы. Раз в неделю он приезжал в Рыбинск помыться, а бане, взять продуктов. Так и было в тот трагический день. Отправили мы его в Белый Яр к маме на попутных подводах. Не доезжая до райцентра километра 2-3, он почему-то слез с саней, а возчики ехали на первой подводе.

Похоже, он побежал за санями и упал. Когда возчики спохватились и вернулись, отец был уже без движения. Они, не взяв его, уехали за скорой помощью. Ехавшие сзади ученики подобрали его, но когда подоспела скорая помощь, то отец был мертв.

Спустя девять дней ушла из жизни и мама. Все это случилось одиннадцатого и двадцатого февраля 1962 года. В далеком таежном спецпоселенческом поселке Рыбинске остались навечно мои родители. Похоронены они рядом, и на их могилах выросли посаженные мной кедр и береза, сама выросла рябина, любимое дерево мамы.

Может не так часто, как бы хотелось, но мы бываем в Рыбинске. Собственно этого селения уже нет на карте. Брошен и растащен большой рабочий поселок, где когда-то находилась резиденция Нибегинского леспромхоза.

Осенью 1995 года мы с Катюшей были в Рыбинске. Поправили могилки, поклонились земле родителей. На костре сварили обед, выпили по рюмке коньяка и распрощались, возможно, и навсегда. Жаль было глядеть на разоренный поселок. Подошли к своему дому, где прожили 10 лет, откуда проводили в последний путь моих родителей. Трудно стало туда ездить. Не ходят автобусы, и мы добирались на попутных машинах.

Пройдет десяток лет, могилки зарастут ельником, кедрушками, их сейчас уже взросло много, и память о родителях будет предана забвению. Едва ли кто-то из их внуков удосужится навестить их могилы. Что поделаешь, такова жизнь.

Неумолимо бежит время. Одиннадцатого и двадцатого февраля 1997 года исполняется 35 лет, как ушли из жизни наши родители. Вечная Вам память и земля пухом. Мы склоняем головы перед памятью дорогих нам людей, отдавших свои жизни в борьбе за нашу жизнь, за жизнь наших детей, внуков и грядущих поколений.

Болеслав Борейша

Авторская рукопись. Машинопись 30.01.97.